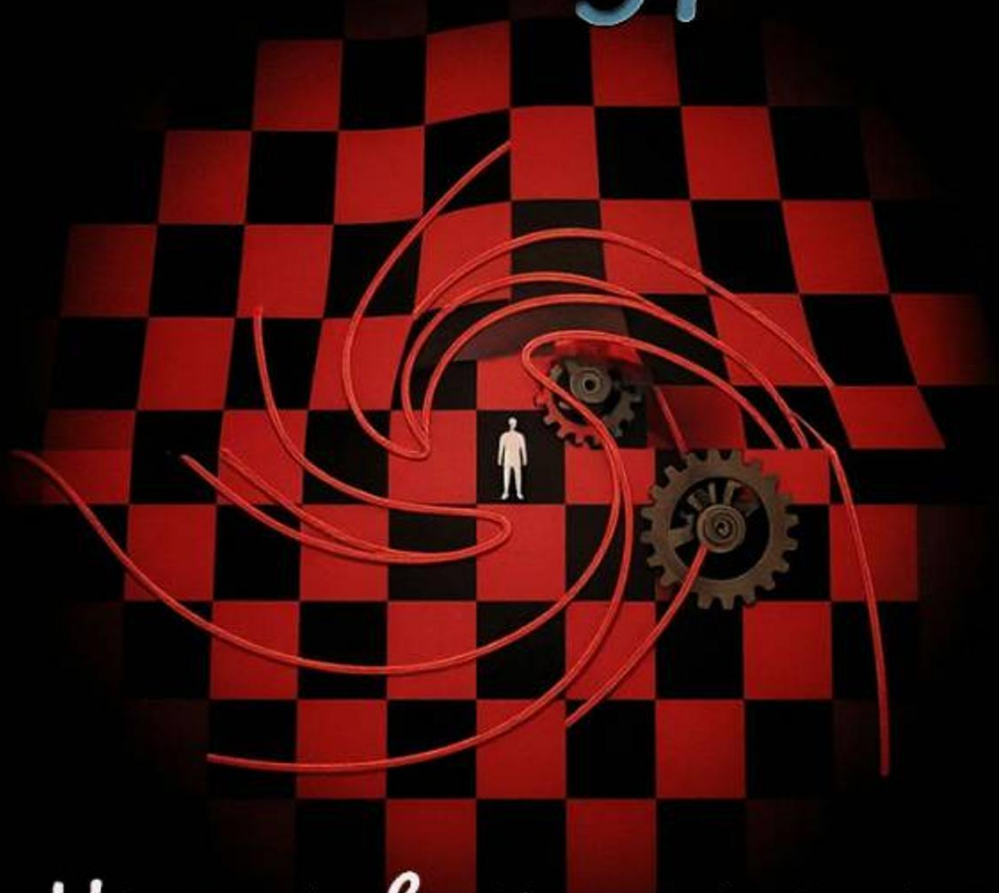

Денис Антонюк

Клиника «Обскур»

«Не так важна цель, как
сам путь»

Часть 1

18+

Денис АНТОНЮК

Клиника «Обскур». Часть 1.

«Автор»

2026

Антонюк Д.

Клиника «Обскур». Часть 1. / Д. Антонюк — «Автор», 2026

Не так важна цель, как путь. Дилан Адамс — солдат, потерявший себя на войне. Одержимость стала его смыслом. Семь месяцев погони за призраками, семь месяцев поиска ответа на единственный вопрос: он сошёл с ума или мир вокруг — настоящий кошмар? Его путь через ложь, одержимость и смерть ведёт в заброшенную клинику «Обскур». Там заканчиваются все дороги. Истина ждёт его внутри. Но готов ли он её увидеть?

© Антонюк Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Ось	6
Дневник Д.А.	6
Такое жалкое начало. Глава I	7
1. Я ПОМНЮ...	8
2. ...С ЧЕГО ВСЁ НАЧАЛОСЬ...	11
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Клиника «Обскур». Часть 1.

Глава

ВНИМАНИЕ

Книга содержит сцены насилия, жестоких убийств, психологического давления, а также подробные описания ПТСР, суицидальных мыслей и психических расстройств.

Если вы чувствительны к этим темам, пожалуйста, отнеситесь к выбору книги ответственно.

Все события и персонажи вымышлены. Любое сходство с реальными событиями случайно.

Ось

Дневник Д.А.

Одержимость искать правду ощущается как искра за грудиной — не погасить. Раздуваешь, раздуваешь, пока в лёгких не начинается жечь, пока рассудок не сворачивается по краям, как обгоревшая бумага. Он сгорит. Это не вопрос «если». Это вопрос «когда». Всё, что может произойти плохого, — произойдёт. Шутливый философский принцип стал его семейной аксиомой.

Растворяясь в тлене, скрытый в собственном дыму, закапавшись в пепле, чтобы снова ожить подобно одной мифической птице. Там, где всё кончится, начнётся его прошлое, и оно пойдёт вспять, как плёнка, перемотанная до чёрного кадра.

Ось — не точка. Ось — это путь, по которому можно идти в обе стороны. Это его родовое право, виштая в кровь ещё до того, как он научился дышать.

Это не книга. Просто дневник. Человека, у которого есть история, и я записал её для себя — и ещё для двоих. Они явятся из темноты, на каком-то витке, когда запутанные все дороги.

Все бусины уже нанизаны на одну нить. Так было — и так будет. Кто-то сделал это до нас. Спираль помнит своё начало. С этого мига она начнёт новый виток.

Занавес поднимается.

Там — тишина. И он в центре.

АКТ: 1. Семь демонов в моём доме

Такое жалкое начало. Глава I

Коридор узкий. Я иду — шатаюсь от стены к стене, плечо задевает облупившуюся краску болотного цвета, и она осыпается чешуйей.

Где-то там, в потолке, лампа, но она умирает — свет моргает, растягивает тени, разрезает глаза. Каждое мерцание отдаётся в глаза тупой пульсацией, будто кто-то давит пальцами изнутри. Я щурюсь. Слезы текут сами, горячие, солёные, и я не могу их остановить. Наверное, так чувствует себя человек, который слишком долго смотрел на солнце — только здесь солнца нет.

Я опускаю голову. Это спасает. Смотрю в пол, кафель разохлсь, потемнели, и в каждой щели — кровь. Она въелась в дерево, застыла слоями. Свежие следы ведут вперёд, старые — теряются в темноте.

Шум нарастает. Сначала это просто гул — как радио на мёртвой волне. Потом крики. Они рвутся из-за дверей, из-под пола, из стен. Стоны, смех, чей-то голос молит, другой проклинает, третий поёт — бессвязно, громко, до хрипоты. Барабанные перепонки пульсируют, и я чувствую, как вибрируют кости черепа.

Вдох.

Плесень. Моча. Испражнения. Что-то сладковатое под ними — может быть, гниющая простыня, может быть, открытая рана. Воздух плотный, спёртый; он не входит в лёгкие, его приходится заталкивать. Язык чувствует соль и металл — привкус крови на губах. Моей? Чужой? Желудок подкатывает к горлу горячим комком.

Дрожь начинается откуда-то из-под лопаток и растекается по позвоночнику вниз, до самых пяток. Руки ледяные, хотя воздух спёртый и душный. Я не помню, когда ел. Я не помню, когда спал.

Я просто шагаю дальше. Шатаюсь.

По коридору, который всё не кончается.

1. Я ПОМНЮ...

Женщина держала мальчика за руку слишком крепко, держала его ладонь — холодно, отчуждённо, как держат чужого ребёнка, которого велено передать с рук на руки. Как чемодан. Как вещь, которую боится уронить, но не боится потерять. Её пальцы были холодными. Мальчик смотрел на них — длинные, бледные, с острыми ногтями. На одном сколот лак. Красный. Как кровь, которую он однажды видел на асфальте. Вторая рука сжимала папку с документами.

Мальчик поднял голову. Золотистые прямые волосы. Карие глаза. Она плакала. Слёзы текли по впалым щекам, оставляя мокрые дорожки, нос заострённый, будто его затачивали изнутри, покраснел и дрожал. Она была красивой. Даже когда плакала.

Дверь трёхэтажного дома открылась. Перед мальчиком с тёмными волосами и зелёными глазами, раскрылся просторный холл с высоким потолком. В воздухе витал аромат дерева и воска.

Их встретила женщина с кудряшками — мелкими, рыжими, пружинящими при каждом движении головы. Она взяла папку. Зашелестели страницы.

— Так-с... Мальчику восемь лет... А имя? — брови вверх. — Вы не указали имя.

Блондинка замерла. Вопрос был простым — настолько простым, что она растерялась, словно её спросили о постыдном.

— У мальчика должно быть имя.

Женщина оглянулась. Муж стоял поодаль: высокий, рыхловатый, русые волосы зачёсаны набок, синяя рубашка в тон глазам, брюки с отглаженной стрелкой. Смотрел куда-то мимо — на стену, в окно, в пустоту.

— Дилан, — сказал он безразлично.

Пауза.

— ...Адамс, — хрипло добавил, прочистив горло.

— В честь деда? — блондинка не сводила с него глаз.

— Почему бы и нет? Он был для меня никем.

— Хорошо.

На блондинку внезапно нахлынули эмоции:

— Прости нас! Мы не хотели — так получилось! Нам нужно так поступить...

— Линда! Пошли! Хватит! — муж перебил резко, как захлопнул дверь.

— Иду!

Она разжала пальцы. Ладонь мальчика выскользнула из её руки — и её тут же обдало воздухом, прохладным и чужим. Каблуки застучали по крыльцу. Звонко. Быстро. Стук оборвался на нижней ступени — дальше только хруст гравия под подошвами.

Он смотрел им в спины. Они удалялись — два силуэта, мужской и женский, — и ни один не оглянулся. Ни один не замедлил шаг. Мальчик не плакал, не кричал, не бежал следом. Просто смотрел, как две фигуры становятся меньше, меньше, пока дорога не забрала их целиком.

Внутри — туман. В голове — белый лист. Детства нет. Есть только белая вспышка, и до неё — ничего. А после неё: старый заброшенный дом, машина, город за окном, леса, сменившиеся полями, и вот это крыльцо. Вот эта дверь.

— Ну что, Дилан Адамс, названный в честь деда. Приятно познакомиться. Меня зовут Элайза.

— Просто Элайза? Без «мадам»?

Он сжал её руку. Крепко. Та была тёплой, мягкой — совсем другой. И отпускать её не хотелось.

— Без «мадам». Просто Элайза. Пойдём, покажу твою комнату.

ПРИЮТ «МАДАМ ЭЛАЙЗЫ»

Гостиная оказалась огромной. Дилан медленно обводил её взглядом, пытаясь нащупать в памяти что-то похожее — такие же высокие потолки, такое же эхо шагов, — но память не отзывалась. Белый лист. Только вспышка.

— Это ваш приют? — спросил он.

— Да, по наследству. Дедушка построил этот дом, позже он достался отцу. Когда отец встретил маму... — Элайза замолчала на полу фразе, и что-то дрогнуло в её лице. — «Женщину своей мечты». Он всегда так её называл.

Она тряхнула кудряшками и шагнула дальше по коридору.

— Кстати, здесь у нас комната для чтения.

Полки уходили под потолок. Книги стояли плотными рядами — старые корешки с потускневшим золотом, — а между ними коробки с настольными играми: шахматы, шашки, «Монополия», ещё что-то. Слева, у стены, телевизор с выгнутым экраном. Напротив — кресла. Глубокие, мягкие, с подлокотниками, на которых можно было уместиться целиком. В таком кресле легко уснуть, забросив ноги на подставку и провалившись затылком в подушку.

— «Мадам Элайза» — это в честь моей матери.

— А почему так назвали?

Она чуть замедлила шаг. Не от неловкости — от воспоминания, которое требовало места.

— Долгое время родители пытались... — пальцы её дрогнули на перилах лестницы. — У них не получалось иметь детей. Совсем. Год за годом, и в какой-то момент они просто отчаялись. Поверили, что я не приду, что у них другая судьба. И тогда отец предложил матери открыть приют. Она согласилась — сразу, без раздумий. А поскольку он всё это затевал ради неё, то и название пришло само собой.

Они вошли в комнату с большим круглым столом. Пахло вымытым деревом и чем-то круглящимся, тёплым — бульоном, может быть, хлебом.

— Здесь мы кушаем, — сказала Элайза, но без интонации экскурсовода — просто отметила, чтобы мальчик знал. И продолжила: — Первыми жителями стали дети с улиц. Брат и сестра. К тому времени они прошли через столько приютов, что перестали считать. Буйные, непослушные — всё делали наоборот. Им говорили «сиди» — они бежали. Им говорили «молчи» — они орали. Сколько раз сбегали, сколько раз полиция возвращала — никто уже не вёл счёт. Ох, мои родители с этими десятилетними исчадиями ада... — она выдохнула коротко, почти рассмеялась. — Но справились. Нашли терпение. И подход.

Она толкнула следующую дверь. Парты. Доска на стене, исчерченная мелом, — кто-то не стёр до конца.

— Здесь мы учимся.

— Как они справились? — спросил Дилан. Комнату он почти не заметил.

Элайза остановилась у доски, провела пальцем по жёлобу для мела.

— Эти дети были бунтарями не потому, что злые. Они проверяли. Каждого. Всегда. Им нужно было узнать, где та черта, за которой от них откажутся. Как в других приютах. Понимаешь? Странная логика, но вообще-то — просто страх. Они боялись, что их любят, только пока они послушные. Что стоит показать недовольство — и всё, они станут неудобными, ненужными. Поэтому пошли от противного: решили всегда быть плохими. Такой тест. Родители сначала попробовали не обращать внимания. Выключить эмоции. Убирали за ними, стирали, учили — как роботы. Думали, может, перебесятся. А те только сильнее заводились.

Они поднялись на второй этаж. Под ногами поскрипывали половицы. Он заметил, что каждая комната пахнет по-своему — первая деревом, вторая пылью и мелом, третья — чем-то сладким, как ваниль.

— Но как они выдерживали? — Дилан чуть запыхался, но не отставал. — Или правда отключили в себе эмоции? Разве так можно?

— Ты прав, — сказала она. — Нельзя. Эмоции делают нас живыми. — Она остановилась на площадке, обернулась. — Родители играли. При детях были почти безэмоциональны. Даже улыбались на их шалости — не потому что смешно, а потому что это злило сильнее, чем любое наказание. Шла такая игра. А всё, что накапливалось... всё это они выплёскивали уже у себя. В спальне.

Тон её голоса опустился на полтона. Она замолчала — слишком поздно, слова уже сорвались.

— Кричали друг на друга? — спросил Дилан.

— Можно сказать и так. Здесь ты будешь жить, — открыла она дверь.

Комната была небольшой, но светлой. Три кровати, застеленные одинаковыми одеялами. Окно выходило во двор — он видел качели, дерево, забор. На одной из кроватей лежали вещи. Сложены аккуратно.

— Это кровати Кайла и Грола. Сейчас все в кинотеатре. Отвозит и привозит Стив, наш повар. Ещё есть Мэри — её все называют Пончик. Она убирает, стирает. Чистота — на ней. Кухня — на Стиве. На мне — воспитание и обучение.

— Почему Пончик?

— Любит сладкое. Не обижается, когда дети её так зовут. А вот если так назвать Стива — мы точно потеряем хорошего повара. — Она кивнула на кровать. — Вещи твои. Переодевайся и спускайся на кухню. Перекусим. Ты голоден — я уверена. После супа будет йогурт. Но суп съесть обязательно. Договорились?

— Хорошо. — Он уже сидел на кровати, разглядывая стопку одежды. — А какой вкус йогурта?

— Переодевайся — узнаешь. И запомни: никогда не спеши с вопросами и ответами. Всему своё время.

Она повернулась, шагнула к двери — и остановилась. На мгновение замерла, глядя на него. Потом вернулась, села перед ним на корточки, взяла его ладони в свои. Её руки были тёплыми — как одеяло в холодную ночь.

— Дилан, — сказала она тихо. — Я тебя не брошу.

Слова упали в воздух. Он слышал их, но они отозвались где-то глубоко, там, где только что была пустота. В день, когда его уже бросили. Он поднял глаза. Карие встретились с зелёными. И произнёс — уже её словами, примеряя их на себя, как новую одежду:

— Всему своё время.

Эти слова Дилан запомнил навсегда.

2. ...С ЧЕГО ВСЁ НАЧАЛОСЬ...

Лампочка под потолком сочилась. Жёлтым, умирающим. Её дрожания хватало ровно на то, чтобы выхватить из темноты стул, человека на стуле и верёвки, врезавшиеся в запястья.

Бритая голова пленника блестела. Под глазами — чёрные круги, как у трупа. Лицо разбито: губа рассечена, скула распухла, из носа течёт тонкая струйка, уже сворачивается в запёкшуюся корку.

Рука с татуировкой — половина сердца, оборванная линия — хватает его за затылок. Дёргает вверх. Заставляет смотреть.

— Ты мне всё расскажешь. У нас вся ночь впереди, а они здесь... — татуированный наклонился ниже, и лампочка зажгла в его зрачках две жёлтые иглы, — ...очень длинные.

Кулак входит в лицо. Мягко, с хрустом. Голова мотнулась, как боксёрская груша на короткой цепи. Тело обмякло. Человек на стуле выключился.

Я иду по коридору. Шатаюсь. Свет здесь такой же — жёлтый, больной, качается где-то впереди. Или в голове. Я не знаю.

Глаза горят. Каждое мерцание — как удар по роговице. Я щурюсь, смотрю в пол, но и там — качается. Тени ползут по стенам, стены болотные, краска на них вздулась пузырями, и мне кажется — они дышат.

Под ногами — следы. Кровь. Засохшая, коричневая, въелась в черно-белую плитку, идёт цепочкой дальше, за поворот. Я иду следом.

Звуки нарастают. Сначала гул — низкий, как от трансформатора. Потом голоса. Кто-то стонет, кто-то смеётся, кто-то кричит — но крик обрывается, как нитка. Смех накладывается на крик, крик на стон, и всё это перемешивается в кашу, от которой начинает тошнить.

Я слышу запах. Плесень. Моча. Железо.

Моя рука касается стены — она влажная. Липкая. Я отнимаю её и вижу на пальцах кровь.

Ещё свежую.

Я не понимаю, это моя или того человека на стуле.

Или мы теперь — одно и то же.

Вертолёт трясся, как жестянка на стиральной доске. Лопасти рубили воздух — монотонный гул, от которого зудело в коренных зубах, заполнял всё пространство десантного отсека. Пахло керосином, оружейной смазкой и потом — чужим, застарелым, въевшимся в форму.

Дилан не спал. Он плыл где-то на грани — глаза закрыты, но сознание цепляется за обрывки голосов. Проваливаешься в темноту — и тут же выныриваешь обратно. Кошмары подступали, отступали, ждали своего часа.

— Дилан! Дилан! Адамс!

Голос пробился сквозь гул, как кулак сквозь картон. Человек в чёрной форме, в каске с наушниками, сидел рядом и тряс его за плечо — жёстко, без церемоний.

— Капитан! — Билл подался вперёд на своём сиденье, придерживая автомат. — Пусть бы поспал. У него и так по ночам проблемы.

— Какие, рядовой Билл, проблемы?

— Кошмары. — Билл пожал плечами, будто это всё объясняло.

— Спать надо было в казарме, — отрезал капитан и повернулся к пилоту: — Скоро уже прилетим, а?

— Ещё час!

— Хорошо. — Капитан хрустнул шеей. — А тот, второй, почему спит? Как его, напомним?

— Ника, — сказал Роми и без замаха толкнул спящего ногой.

Ника дёрнулся, но не проснулся. Роми толкнул снова — сильнее.

— А? Что? — Ника разлепил глаза, мутные, как болотная вода.

— У этого тоже кошмары? — спросил капитан, кивая на Нику.

— Нет. — Роми откинулся обратно. — Просто в интернете старую театральную постановку смотрел.

Капитан замер. Медленно повернулся всем корпусом.

— Какую театральную постановку? Ты идиот? Решил не спать перед высадкой на вражескую территорию? Ты же единственный связной!

— Успокойся, капитан! — Ника зевнул, даже не прикрыв рта. — Научная фантастика. О парадоксах времени.

— Не понял.

— Что-то ужасно нудное, — пробасили из угла. Там, напротив Дилана, сидел здоровяк с бычьей шеей и шрамом через левую бровь.

Ника усмехнулся:

— Дай угадаю, какие тебе нравятся фильмы, Буффало. Для тебя вех искусство это в порно.

— ДА! — Буффало подался вперёд, и сиденье под ним жалобно скрипнуло.

— Ещё скажи что ты досматриваешь до конца?

— Да, мне нравятся бабы, возможно, больше, чем вам, и уж точно мне плевать на всякую фантастику. И лучше досматривать эти фильмы до титров, чем такую чушь смотреть как ты.

— А боевики?

— Ха-ха, смеёшься. — Никакой усмешки в голосе. — Неинтересно. У меня работа — сам как боевик. Пули свистят над головой только так, пиротехника получше любого спецэффекта. А фантастика... — Он сплюнул бы, да некуда. Сглотнул. — Зачем мне смотреть на то, чего нет? В задницу все эти сказочки для детей. Если ты забыл, кто МЫ, я тебе напомню.

Буффало обвёл глазами отсек — медленно, с расстановкой. Его взгляд царапал каждого по очереди.

— Здесь все наёмники. Кроме Дилана. Нас нанимают, только когда не хотят подставлять своих. Правительство от нас легко откредитится: я — не я, и халупа не моя. Нас можно кинуть в горячую точку. Исключение — только он.

Палец Буффало указал на Дилана. Тот по-прежнему сидел с закрытыми глазами, но дыхание изменилось — грудь вздымалась чуть чаще.

— Мы с ним летали пару раз. Он здесь не просто так. Он — наше доказательство. Что мы не отклонились от миссии. И не натворили какой-то херни.

— Мы все помним, зачем здесь Дилан, — добавил Роми, монотонно, как заученный устав. — Единственный официальный вояка. Должен за нами следить.

— Погибнет он — станет неофициальным, — капитан говорил в сторону, ни к кому не обращаясь. — Вроде существует. И в то же время нет.

— Такой себе призрак, — подхватил Буффало, и взгляд его наконец упёрся в Дилана в упор. — Можно увидеть, но физического воплощения не имеет. Живёт по документам задним числом. И его кошмары... оправданы. Вылетов в горячую точку у него было... кажется, пять. Думаю, даже у нашего капитана в его новой сфере не было столько. Я прав, капитан?

— Да, ты прав. — Капитан не смотрел ни на кого. — Это моя третья.

В этот момент Дилан поднял веки — медленно, будто возвращаясь откуда-то издалека, — и прислушался. Гул лопастей. Дыхание шестерых человек в отсеке. Запальчивая речь Буффало, которая ещё висела в воздухе, как дым.

— В моей жизни до хрена жанров. — Буффало говорит, не открывая глаз, развалившись на сиденье. — Ужасы, боевики, драмы. И всё по-настоящему. В кино так не снимают, парень. И голову я забивать этим не хочу.

— Боу, остановись! — Роми поднимает ладонь. — Тебя спросили про фильм. Всё. Точка.

— Ой, однайцевые, — скалится Буффало, кивая на Роми и Нику. — Сразу видно, братья. Языки чешутся, а в голове — пустота.

— Мы не однайцевые, придурок, — смеётся Роми. — Мы просто братья. А ты — просто идиот.

— Хватит! — Капитан обрывает спор. Голос металлический, как скрежет. — Ника. Рассказывай, что смотрел. Хоть кто-то в этом гробу должен говорить по делу.

Ника оживает. Он сидит, сгорбившись, поджав ноги, и в его глазах зажигается что-то, чего у других нет — любопытство. Он смотрит в точку между людьми, в пустоту, где видит свою историю.

— Там была постановка. Про время. Две истории — и обе о парадоксе. И там, и там — парадокс Новикова. До того, как Новиков сформулировал свой принцип, кто-то уже думал о том же.

— Это как? — Билл нахмурился.

— А вот так. Тот, кто продумал постановку, возможно, сам не догадывался, что выдвинул принцип самосогласованности. «Новикова» назовут уже после. Гораздо позже. Понимаешь? А история, которую я расскажу, ещё затронет парадокс дедушки...

— О, пошла моча, — пробубнил Буффало вполголоса.

Никто не обернулся. Даже капитан проигнорировал. Ника продолжил — чуть громче, с нажимом:

— ...если человек вернётся в прошлое и убьёт дедушку, то возникнет такой парадокс. Он так и называется — «Дедушкин парадокс».

— Какого дедушку? — Билл подался вперёд.

— Своего дедушку. Это мысленный эксперимент. Просто вопрос: что произойдёт? Или что произошло?

— Зачем возвращаться? — не унимается Билл.

— Плохой дедушка! Возможно! Зачем перебивать, не дослушав?

— А зачем для этого возвращаться в прошлое? — Билл не унимался, и теперь в его голосе звучала почти обида. — Если можно убить его в настоящем?

— Слушайте, будете перебивать — так и не поймёте, зачем кому-то убивать дедушку! Терпения...

И в этой паузе — тихо, почти в сторону — Дилан произнёс:

— Всему своё время.

Билл открыл было рот, но осёкся. Капитан смотрел на него в упор — взглядом, не требующим пояснений. Лопасты рубили воздух: гул, гул, гул. Пауза затянулась ровно на три удара.

— Это ты о чём? — спрашивает капитан.

Дилан не смотрел ни на кого. Он вспомнил тёплые ладони на своих руках. Женщину с рыжими кудряшками. Комнату с тремя кроватями. И слова, которые тогда прозвучали как обещание. А теперь — как закон.

— Так говорила одна женщина. В детстве. Я запомнил.

— И что это значит? — Ника наклоняется вперёд. Он действительно хочет знать.

Дилан поднимает глаза. Взгляд скользит по лицам: Билл — заинтересован, Роми — скучает, Буффало — усмехается, капитан — ждёт.

— Она говорила это, когда я спешил. Когда хотел знать ответы раньше времени. Она учила меня ждать. Говорила, что всему своё время.

Буффало покосился на него, хотел что-то сказать — и передумал. Билл всё ещё обдумывал дедушку. Ника пожал плечами и уставился в иллюминатор.

В кабине потемнело. Солнце ушло за облака, и иллюминаторы налились серым — будто кто-то снаружи закрасил их свинцовой пылью. Ника заговорил тише. Не потому, что устал, — потому что история требовала другого тона.

— Там обсуждались допущения. Допустим, у вас есть возможность вернуться в прошлое и изменить будущее. Связанное с плохим дедом. Для примера — серийный убийца по имени Воробей. Так его прозвали уже после суда. После приговора. До приговора, обычный человек. Ничем не выделялся. Пара шрамов на лице, ожог на голове — послевоенное, затянувшееся. В остальном: работа, семья, дом, добрые глаза. Учтив. Вежлив. Всем своим видом показывал — мухи не обидит. На него вышли, только когда он уже был стар. И всё из-за случайного разговора тридцатилетней давности. С маленькой девочкой. В магазине. В одном небольшом городе.

Билл перестал ковырять ремень автомата.

— Он сказал ей... — Ника чуть запнулся, вспоминая точные слова, — ...«Я Принц будущего. Запомни меня. Благодаря тебе ты подаришь мне моё будущее. Мы с тобой ещё встретимся. Ты вспомнишь меня и подаришь второй шанс. На жизнь. На цель. Я принц, который ищет свою Рапунцель».

Буффало хмыкнул, но смолчал.

— Девочка запомнила. Спустя тридцать лет, листая старые газеты, она нашла статьи о серийном убийце по прозвищу Принц. Вспомнила тот самый разговор — тридцатилетней давности. В полицию идти — глупо. Что она скажет? «Тридцать лет назад один мужчина назвал меня Рапунцель, а сейчас я узнала его в газете»? Первая сдала бы себя в психушку. И она пошла сама. Собственное расследование. Собрала улики — косвенные, тонкие, как паутина. Но доказательства всё равно косвенные. А присяжные не могли поверить, что этот божий одуванчик — маньяк. Суд вынес оправдательный.

Ника выдержал паузу. Он чувствовал: его слушают. Даже лопасти, казалось, притихли.

— И что? — спрашивает Роми.

— Но дедуля взял и сознался. Во всех убийствах.

— Он сам признался, — отвечает Ника. — Взял и сказал: "Я убил".

— Сам? — Билл наклонился вперёд, насколько позволяли ремни.

— Сам. Сначала никто не поверил. Подумали: выжил дед из ума — восемьдесят лет, шутка ли. Может, славы захотел на старости. А он указал, где захоронена парочка девушек. И тогда всем стало ясно. Это он. Тот самый. Принц, всегда оставлявший в людном месте пакет. В нём — клочок светлых волос и указательный палец.

— Зачем? — шёпотом спросил Билл.

— Чтобы жертву опознали. По отпечаткам. Позже он признался: всякий раз, забирая жизнь, говорил одно и то же. «Я слеп, но всё же ишу тебя, моя Рапунцель». — Ника обвёл взглядом отсек. — По сказке Рапунцель была заточена в башне. У неё выросли такие длинные волосы, что по ним принц забрался к ней. Мачеха узнала, остригла ей косы, выгнала в чащу леса, а принца ослепила. Но слепой принц блуждал по лесу и случайно наткнулся на детей, которых родила от него Рапунцель. Так они встретились снова. Её слёзы вернули ему зрение. Он забрал жену и детей в своё королевство. И наш Принц... видимо, тоже нашёл свою Рапунцель. Потому что последние тридцать лет не убивал.

Буффало хмыкает:

— Сентиментальный маньяк. Прямо дисней какой-то.

— Это выдуманный серийный убийца? — спросил Билл.

Ника посмотрел на него. Ничего не ответил. Только чуть заметно качнул головой — не «нет», а «потом».

— Теперь представьте. Вы сидите в театре. Вокруг темнота. Диктор зачитывает пролог — суть истории, задавая тон. На сцене загорается свет. Занавес поднимается. Титр...

Ника произносит это медленно, будто читает вслух то, что нельзя прочитать про себя. Голос его становится глубже, почти театральным, и в гулком пространстве вертолёт он звучит как голос диктора из старого кино.

— Жизнь как театр. Часть первая.

И ещё тише, почти без голоса, одними губами:

— «Я потерял свой голос. Раз за разом искал истину через чужие голоса. Поселил в голове чужие голоса. Забыл о собственном...»

Лопасты рубили воздух — три взмаха, четыре. Пять. А потом Ника продолжил. Голос его изменился: стал глубже, медленнее. Так рассказывают истории у костра — когда уже перестали шутить, когда всё лишнее сгорело и остался только жар.

— А теперь представь. Ты — внук этого самого Воробья. Учёный. Ты с трудом заслужил своё место. Не получил, не унаследовал — именно заслужил. Каждая публикация, каждая лаборатория, каждая строчка в резюме далась с боем. Наука — это то, чем ты живёшь. Дышишь. Ты любил свою семью. Но пришлось выбирать, и ты выбрал работу. Жена, дети — они отходили на второй план, на третий, пока совсем не исчезли за горизонтом. Брак треснул по швам, ты и не заметил когда. Ты отдаёшь работе всё: ночи без сна, выходные без дома. Мечтаешь о Нобелевской премии. О признании. О том, чтобы коллеги наконец посмотрели на тебя и увидели — тебя.

Ника замолчал. Потом почти шёпотом:

— Но прошлое... Ох уж это прошлое. Оно — твоя фамилия. Не важно, сменишь ли ты её. Все знают, чей ты внук убийцы. Дело было слишком громким. Слишком резонансным. До сих пор — стоит кому-то услышать фамилию, и лица меняются. Коллеги говорили тебе в глаза: «Адам, даже не пытайся. Работай тихо. Не высовывайся. Из тени деда тебе не выйти. Его грех перевесит любое твоё открытие. Хочешь — уходи. Освобождай место. Держать тебя здесь никто не будет».

Буффало хмынул. Он узнал эту интонацию. Так говорят с теми, кого уже списали. Кого держат в команде только потому, что выгонять — бумажная волокита.

— Но тебе плевать, — голос Ники набрал силу. — Ты всё равно работаешь. Придумываешь. Открываешь. Изобретаешь. Ты безумно любишь своё дело. Но вся страна тычет в тебя и в твоих детей пальцем. И ты не можешь сбежать от этого. Ты меняешь фамилию, уезжаешь в другой город — они всё равно узнают. Ребёнка не принимают в школу, потому что он правнук маньяка. «О, это же внук того самого маньяка! Чудовища, убившего десятки девушек! Правнуки серийного убийцы? Это будет позор нашей школе. Мы не можем их принять». Жену увольняют с работы. На доме детьми пишут краской: «Ваш дед — убийца».

Кабина погрузилась в молчание. Буффало не шевелился. Билл забыл про автомат. Роми смотрел в пол.

— Им негде скрыться, — Ника почти шептал. — Они изгой. И вот тут — выбор. Как переместиться во времени. Это может быть машина. Небольшой аппарат. В виде джакузи, ванны или даже огромного чемодана. Может, ты создал его сам. Может, знакомые. Может, магия...

— Или дьявол! — Буффало выпалил это громче, чем собирался. Слово ударилось о переборку и заметалось по кабине.

Роми медленно, как сова, повернул к нему голову:

— Дьявол?

— Ну да. — Буффало заёрзал, и сиденье под ним скрипнуло жалобно. — Типа сделка с дьяволом.

— То есть в фантастику ты не веришь, а в Бога и дьявола — да?

Буффало шумно выдохнул через нос и отвернулся к иллюминатору.

Ника убедился, что его больше не перебьют. И продолжил — спокойно, как человек, знающий финал наперёд.

— Каждому как удобно, — Ника пожал плечами и улыбнулся — легко, без вызова. — Не так уж ты и предан своей реальности, Буффало. Но продолжим.

Он чуть подался вперёд, и свет из иллюминатора лёг на его лицо полосами — как жалюзи в допросной.

— Вы знаете лишь одно место, где будет ваш дед. Бывшая швейная фабрика, переделанная под театр. «Стежок». В это время там набирают новобранцев на войну. И вот вы перенеслись назад во времени. С собой — только пистолет и пара сотен баксов. Сняли комнату в отеле напротив. Ночь. Вы не спите. Вы готовитесь совершить убийство.

Он замолчал. Даже лопасти, казалось, стали тише.

— Настраиваетесь морально. Прокручиваете в голове: завтра вы подходите к деду, представляете дуло к голове. «Не двигайся. Не говори ничего. Не оглядывайся. Просто молчи и жди своей пули». Ровный голос. Чужой почти. Вспоминаете перед тем, как нажать на курок, сколько этот человек убил невинных девушек. Как в будущем изломает вам жизнь. Как ваших детей будут презирать за то, что натворил он, а не они.

Ника перевёл дыхание.

— Адам уже готов произвести выстрел...

Пауза. Долгая — на четыре взмаха лопастей.

— Но если вы нажмёте на курок — не родится ваш отец. Вы. Ваши дети. Они никогда не познают жизнь. Так же, как и вы. Вы никогда не встретите любимую. Все ваши научные достижения — их просто не будет. Вы хотели очистить фамилию. Оправдаться перед миром. Но всё, что вы так стремились сделать, перестанет существовать. Вы сотрёте себя. Вырежете своё семейное древо из этого мира. Это и есть парадокс убитого дедушки.

Тишина сгустилась. Билл шевелил губами — то ли пересчитывал жертв, то ли пытался уместить парадокс в голове. Не получилось.

— То есть... — он зажмурился на секунду, — он ничего не исправил? Просто стёр себя? Как ты и сказал. А есть ли тогда смысл?

Буффало ответил не сразу. Он смотрел в пол, и его голос прозвучал глухо — без обычной бравады:

— Избавить от страдания и ада, в котором жил он сам и его семья. Одним выстрелом.

— Убив их сам, — заметил Роми.

— Я бы не сказал, что это можно назвать прямым убийством...

— А как?

— Избавление, — тихо сказал Билл.

Повисла пауза. Роми поднял глаза:

— Хорошо ли это — не давать жить другим?

Тогда заговорил Капитан — медленно, будто размышляя вслух:

— Ну, возможно... Это как если ты не женился на своей подруге, а завёл семью с давней одноклассницей. Преступление ли это? Что у тебя нет детей от одной, но есть от другой? Или, когда ты холост — разве это преступление?

Он обвёл глазами отсек. Никто не поддержал, никто не возразил. Тогда он продолжил — уже резче:

— Если у нас есть возможность перемещаться во времени, почему бы не переместиться чуть раньше? До признания деда? Убить его — и никто никогда не узнает, кто такой Принц.

Дилан повернул голову. Медленно. Взгляд — прямой, без моргания.

— Тогда ты станешь не только убийцей своего деда, но вдобавок соучастником серийного убийцы.

Тишина ударила сильнее, чем крик. Ника кивнул — коротко, уважительно:

— Дилан прав. Это преступление, если вы вернётесь до того, как он взял на себя вину. А не до того, как он начал убивать.

Капитан усмехнулся — криво, невесело:

— Тогда ненависть к деду не оправдана. Ведь мы такие же, как он. — Он посмотрел на свои руки. — Мне это нравится. Значит, остаётся одно: стрелкнуть деду в голову и покончить с этим. Хоть спасём больше жизней в обмен на свою.

— Значит, обмен. Своего счастья на жизнь других. — сказал Билл.

Буффало заговорил тяжело, будто каждое слово надо было выталкивать:

— Я бы убил до признания. Что сделано — то сделано. Меня это не касается. Куча людей мрёт как мухи. Не всем удаётся прожить счастливую жизнь. Почему я должен жертвовать?

— Это твоё решение, Буффало.

— Всё же это как-то странно, — Роми покачал головой. — Одним выстрелом твой род испарится. В тот же день. В эту же минуту.

— Ничего странного, — Капитан рубанул ладонью воздух. — Вот если мы сегодня погибнем — наш род прекратится. Как будто кто-то убил нас из будущего. Просто для нас это закончилось бы сразу.

— Получается так, — кивнул Роми.

— Продолжаем? — спросил Ника.

— А есть что продолжать?

— Конечно, Дилан. — Ника впервые за минуту улыбнулся. — Мы всего лишь задумались в отеле над своими действиями и их последствиями. Дали согласие себе на исчезновение ради спасения невинных. Мы почти герои. Но надо ещё сделать малость — убить деда. А для этого необходимо его найти. Мы не знаем, как он выглядит в свои двадцать лет. Только имя. И где он должен быть. С утра мы пойдём в нужное место. Как будем искать?

— Спрашивать, — буркнул Буффало.

— Ты что, Буффало. — Ника покачал головой. — Там около ста человек за день проходит. Всех не переспросим.

— На ум приходит только табличка, — Капитан хмыкнул, и в голосе его мелькнуло что-то похожее на смех, — как в аэропортах. Стоит мужик с картонкой, а на ней фамилия. Только здесь не такси встречают, а смерть.

Он рассмеялся, но смех вышел коротким и тут же увяз в гуле лопастей.

— Звучит как бред, — сказал Ника. — Но мы действительно так поступаем.

Капитан удивлённо хрюкнул, выпучив глаза. Ника не дал ему вставить ни слова и продолжил — быстро, как будто боялся, что его перебьют:

— Пишем на табличке: «Алан Фуллер». Берём с собой пистолет. Вешаем табличку на шею. И ждём. У входа в театр.

Он говорил — и картинка сама вставала перед глазами.

Утро. Солнце только начало набирать силу, но асфальт уже дышит жаром. Адам стоит у дверей бывшей швейной фабрики, и табличка оттягивает шею. Мимо идут парни — молодые, испуганные, бравадные, кто с чемоданом, кто с тощим рюкзаком. Они заходят в двери и не выходят. За театром рычат автобусы — забирают и везут в часть.

Час. Другой. Три.

Обед проходит мимо — Адам не ест, только пьёт воду маленькими глотками. Маленькими — потому что уходить нельзя. Отлить нельзя. Пропустить его нельзя. Жара плавит затылок, пот стекает по вискам, футболка прилипла к спине.

Мысль, которая сначала была шёпотом, теперь орёт: а вдруг ошибка?

— Всё, что мы знали от деда... — голос Ники опустился ниже. — Это то, что он отказался от нас.

Тишина в кабине стала почти осязаемой.

— Отец зашёл в дом. На руках младенец. Хотел поздравить: Алан стал дедом. Порадоваться вместе. А в ответ: «Я не хочу его видеть в моём доме. Или рядом со мной». Был на войне — призвали в Алабаме. После взрыв — ожог на спине и на голове. Это всё, что мы знаем. Интервью деда Адам смотрел.

— *«Зачем вы убивали девушек?» — спросил интервьюер.*

— *«Это трудно сказать».*

— *«Труднее, чем убивать невинных?» — не унимался интервьюер».*

— *«Хм... Хорошо, скажу как есть. Понимайте это как хотите, — произнёс старик с мёртвым взглядом. — В голове застрял образ девушки. Она не давала мне спать, приходила по ночам, дышала в затылок, водила когтями по рёбрам. А её голос звучал всё мягче, соблазнительнее, будто шептал: «Я всегда буду с тобой». Клятва, от которой не избавиться. Она стала моим персональным кошмаром. Каждый раз, когда я встречал похожий силуэт, похожий изгиб, волосы, во мне вскипало то же ледяное пламя, что и перед взрывом».*

— *«Взрывом... Вы имеете в виду то, что было на войне?»*

— *«Да, — ответил старик. — Она похищала моё «я». И дальше я искал ту, которая уймёт этот зуд. Но они не оправдывали ожиданий — и тогда я убивал».*

— *«Почему?»*

— *«По-другому не мог: оставь их в живых — меня бы взяли за похищения».*

— *«И всё же вы её нашли, раз перестали убивать?»*

— *«Да. Я нашёл её».*

— *«После стольких невинных жертв? Оно того стоило?»*

— *«На все сто».*

— После такого признания жгучая ненависть к деду вспыхнула в душе Адама, — тихо сказала Ника.

Ника перевёл дыхание. И перешёл на шёпот:

— По тротуару шёл патруль. Не спеша. Следили за порядком. Они посмотрели в сторону Адама, и его бросило в пот. Не от жары — от страха. Тело изнутри закололо иголками: шея, грудь, кончики пальцев. Он пытался держать лицо. Пытался не подавать виду. Бормотал под нос, как молитву: «Прошу, не смотрите сюда. Прошу, не останавливайтесь. Проходите мимо...»

И в этот самый момент — когда полицейские уже были в двадцати шагах, когда сердце колотилось где-то в горле, — перед ним возник рыжеволосый парень. С сумкой на плече. Увидел табличку. Заинтересовался. Подошёл.

«Мой дед был рыжим?» — молнией в голове. Адам не знал. Молодых фотографий не сохранилось. Вообще никаких.

— Мы знакомы? — спросил парень.

И тут же — шаги за спиной. Полицейские.

— Добрый день, молодые люди. Можно ваши документы?

Алан — сама любезность. Полез в сумку, протянул потрёпанный паспорт:

— Конечно, офицер!

«М-да. С полицией ты порядочный и тихий. А с жертвами был совсем другой». Адам сглотнул. Ему нечего было дать. Ни паспорта, ни прав, ни бумажки с именем — ничего, что могло бы объяснить, почему он стоит здесь с табличкой и пистолетом за поясом под футболкой.

— Что-то не так, офицер? — Алан чуть наклонил голову. Само спокойствие.

— Обычная проверка, ничего такого. — Полицейский повернулся к Адаму. — Я жду ваши документы, сэр.

В горле пересохло. Язык прилип к нёбу.

— Простите, я их дома оставил.

Рука сама дёрнулась за поясом — туда, где пистолет. «Может, достать? Быстрый выстрел в голову Алану — и мы исчезнем. Прямо сейчас. Весь этот мир перестанет существовать. Но вдруг не успею? Вдруг полицейский окажется быстрее?»

— А что вы здесь делаете? Вы его знаете? Вы друзья?

Алан мотнул головой — почти небрежно:

— Нет. Впервые вижу, сэр. Я подошёл — хотел узнать, почему на табличке моё имя. Хотя, может, есть ещё такой человек здесь.

Второй офицер, до этого скучавший с таким видом, будто его заставили гулять под солнцем в выходной, вдруг проснулся. Посмотрел на Адама. Прищурился:

— Почему?

«Всадить пулю. Быстрее, чем они среагируют. Всадить — и всё закончится». — крутилась мысль у Адама.

— С вами всё хорошо?

— Да-да... — Адам растянул губы в улыбке. — Просто жара. Я почти целый день стою здесь. И, по всей видимости, я жду не вас, а однофамилец.

Улыбка — натянутая, как струна. Алан сдержанно кивнул.

— Офицер, мне можно идти?

Полицейский помедлил. Ещё раз посмотрел на Адама. На табличку. Снова на Адама. И отдал Алану документы:

— Хорошей службы.

Алан закинул сумку на плечо. Кивнул Адаму — коротко, без улыбки, будто они уже были друг другу никем. И ушёл в театр. В «Стежок». Где нити обрываются, а не сшиваются.

Ника замолчал. Тишина повисла на три удара лопастей.

— И что? — Буффало подался вперёд. — Он не выстрелил?

Ника не ответил. Он смотрел перед собой — туда, где только что стоял рыжеволосый парень с сумкой на плече.

— Он стоял и смотрел, как его дед уходит на войну.

— А вы пройдёте в участок и поговорим, — произнёс полицейский. Голос у него был сытый, ленивый. — Выясним, где ваши документы.

У Адама не оставалось выбора. Он пошёл. Ноги двигались сами — деревянные, чужие, — а голова была повернута назад. Он смотрел, как дед исчезает в дверях театра. Вместе с ним исчезал и шанс. На спасение. На искупление. На всё.

Вместо этого он застрянем здесь. Угодим в тюрьму. Просто прекрасно.

Он заговорил — быстро, сбивчиво, размазывая слова:

— Тот, кого я жду... у него мои документы. Мы вчера... с незнакомым человеком... перепили. По пьяни я оставил документы у него.

Враньё было жидким. Прозрачным, как лужа после дождя. Полицейские слушали — и по их лицам было видно: не верят. Скучают. Ждут, когда этот жалкий спектакль закончится.

— Встаньте на колени. Руки на затылок. Обыск.

Адам похолодел. Не от страха — от ужаса. В кармане лежал «Кольт Мустанг». 2013 года. Которого в этом времени не существовало. Что будет, когда они его найдут, он даже боялся представить. Вернее — представлял слишком хорошо.

И тогда он рванул.

Через дорогу. В переулок. Полицейские — за ним.

Первый переулок — тёмный, пахнет рыбой и мочой. Второй — уже, приходится протискиваться боком. Забор — руки цепляются за ржавую сетку, колено обдирается в кровь. Перелез. Преследователи — не атлеты, забор их задержал. Выигранные секунды.

Пистолет — в мусорный бак. Железное нутро лязгнуло, и звук этот показался оглушительным. Дальше. Переулок за переулком. Лёгкие горят. Сердце колотится где-то в горле. В боку — нож. Перед глазами — круги. Он не бежит уже — перебирает ногами, спотыкается.

И тут — из поперечного переулка — удар.

Плечо врежется в грудную клетку. Воздух выбит. Тело летит в мусорные мешки. Затылок встречается с чем-то твёрдым — может, с землёй, может, с кирпичом. Вспышка. Темнота.

Очнулся — лицом в грязь. На запястьях — холод металла. Наручники.

— Какого хера?! — Буффало взорвался. Он рванулся вперёд, и ремни натянулись до скрипа. — А как же пистолет к затылку?! Бах — и всё? Мы тут, распланировали всё, а он — в мусорку, в наручники, и всё?!

— Ты что мутишь, Ника? — Роми был тише, но в голосе звенело разочарование. Почти обида.

Ника поднял руку — подождите.

— Пистолет к затылку... — он покачал головой. — Это ведь так просто. Но только когда в нашей голове. А время — не такая простая штука, как вам кажется. Думаете, его легко сломать? Подойти сзади к человеку, лица которого раньше не видел, приставить дуло к затылку и нажать на курок? И всё? Дело сделано?

Он обвёл глазами отсек. Никто не ответил.

— Так и планировалось! — выкрикнул Роми.

— Чушь. Это не так легко. И вся эта история — она для того, чтобы донести до вас: время не даёт лёгких путей. Оно защищается. Оно ставит полицейских на тротуаре. Оно заставляет парня с табличкой опоздать на пять минут или прийти на пять минут раньше. Оно играет против тебя — всегда.

Буффало фыркнул:

— Ты сам рисуешь этот мир. Прикрываешься: «это всё не просто», «это всё время». Вот почему я не люблю фантастику. Выдумывают и выдумывают, усложняя банальные вещи.

— Я всего лишь пересказываю то, что смотрел ночью, — пожал плечами Ника.

— Похер! — Капитан рубанул ладонью. — Продолжай. Посмотрим, чем это всё закончится.

Ника обвёл взглядом отряд. Буффало кипел, но молчал — пар из ушей, кулаки сжаты. Роми хмурился, но ждал. Билл — тот, кажется, всё ещё переживал за дедушку, жевал губу и смотрел в пол. И только Дилан сидел неподвижно — но слушал. Так слушают не рассказчика, а свидетеля. Человека, который даёт показания.

— Ну что ж, — Ника хлопнул ладонью по колену. — Тогда слушайте дальше. Потому что дальше всё становится ещё интереснее. И ещё запутаннее. Нашего Адама отвезли в полицейский участок. Имя и фамилию он отказался называть. У него взяли отпечатки пальцев и посадили в камеру. Продержали до утра.

— Разве момент не упущен? — спросил Дилан.

Буффало зевнул — нарочито громко, с подвыванием:

— Дилан, пусть продолжает свою попу.

— У всех должен быть второй шанс, — хмыкнул Ника.

Он продолжил — медленнее, глубже:

— Раннее утро. Кабинет. Его посадили за стол, пристегнули наручники к столешнице. Железо холодило запястья. За окном светало — серый, не выспавшийся рассвет. Зашёл полицейский. Сел напротив. Начал допрашивать.

Ника понизил голос:

— Кто вы? Что вы делали возле театра?

Пауза.

— Адаму нечего было ответить. Он мог назвать своё имя. Но полицейскому это ничего бы не дало — ведь его, Адама Фуллера, в этом времени ещё нет. Он ещё не родился. Его отец — вот этот рыжеволосый парень с сумкой на плече — сейчас едет в автобусе в учебную часть.

Ника обвёл глазами слушателей.

— Не мог соврать — враньё рассыпалось бы на первом же вопросе. Он выбрал тишину. Как щит. Как единственное, что у него осталось. Даже не зная, куда это его приведёт.

Руки Адама лежали на столе — пристёгнутые, беспомощные. Он смотрел на свои пальцы и думал. Не о допросе. Не о полицейском. Он думал о поражении. О том, что не спас семью от презрения. Что не помог девушкам, которых дед убьёт в будущем. Что всё, ради чего он вернулся в прошлое, — всё пошло прахом.

Полицейский задавал вопросы. Адам их слышал, но не слушал. Губы не размыкались. Полицейский давил. Сначала спокойно. Потом с нажимом. Потом с раздражением. Без толку.

— Ладно, — полицейский откинулся на спинку стула. — Выпустить не можем. Утром увезут на выяснение личности. Но... — он прищурился, — на мой взгляд, ты обычный бродяга. Потерял документы. Ночевал где попало. Хочешь в армию? На войну?

Адам поднял голову.

«Давай. Скажи это».

— Молодых сейчас быстро отправляют, — полицейский барабанил пальцами по столу. — Скажи — я пойму. У меня племянник рвётся. Да только шумы в сердце. Не судьба. А ты — здоровый. Может, тебе — судьба?

Адам оживился. Внутри что-то щёлкнуло — как предохранитель.

Если он отправится прямо сейчас, из этого города, — возможно, ещё не поздно. Ещё можно найти его. Ещё можно закончить начатое. Не у театра — так в части. Не с табличкой — так с винтовкой.

— Да, — Адам выдохнул, как будто держал воздух всю ночь. — Хочу в армию. Можете отправить?

Полицейский кивнул — медленно, будто соглашаясь с чем-то, что давно решил про себя:

— Вполне. У меня есть знакомые в призывном пункте. Будешь под присмотром, пока документы восстановят. Ты нигде не попадался. Так что будем считать, что ты чистый. Согласен?

Адам кивнул. Слишком быстро. Слишком жадно.

— Имя хотя бы скажи.

Имя — это первое, что он должен был придумать. Имя — это то, с чего всё начинается.

— Адам Уокер.

Полицейский записал. Закрыл папку. Встал.

— Хорошо, Адам Уокер. Считай, что ты уже в армии.

Дверь закрылась. Ключ щёлкнул. Адам остался один, прикованный к столу, но свободный — впервые за всю жизнь.

За окном поднималось солнце. Точно такое же, как вчера, когда он стоял у театра «Стежок» с табличкой на шее. Только теперь у него не было ни таблички, ни пистолета, ни даже собственной фамилии. Уокер. Человек без прошлого. Сын без отца. Внук без деда. Призрак, получивший второй шанс.

— Ни хера ты закрутил, Ника, — хохотнул Билл.

— Адам едет в армию, — сказал Ника.

Ника замолчал. Улыбка ещё держалась на его лице — невесёлая, не победная. Так улыбаются люди, которые знают: самое сложное ещё впереди. А пока — армия. И где-то там, среди тысяч новобранцев, рыжеволосый парень по имени Алан Фуллер, который ещё не знает, что за ним охотится собственный внук.

— Адам приехал в часть.

Ника откинулся на спинку сиденья и заговорил медленнее — не как рассказчик, а как свидетель.

— Встретили его... знаете, не то чтобы недружелюбно. Скорее — никак. В части постоянно кто-то прибывает, кто-то убывает. Новое лицо не вызывает интереса. Вещи бросили на койку, сказали: «Располагайся». И всё. Ни допроса, ни вопросов. Только скрип пружин под матрасом. Только запах казармы — хлорка, портянки, дешёвое мыло. Только гул голосов за стеной.

И только один человек посмотрел на него иначе. С удивлением, которое зеркально отразилось в глазах самого Адама.

Ника выпрямился:

— Перед ним стоял рыжеволосый парень. Уже коротко постриженный, но рыжий цвет все равно пробивался. Алан Фуллер.

«Вот это судьба!» — подумал Адам и протянул руку.

— Какая неожиданность, — сказал Алан.

— Ты нашёл, кого искал, у «Крепкой нити»?

— Возле чего?

— Театра. Он сейчас называется «Стежок». Там мы виделись. Раньше это была фабрика нитей — «Крепкая нить».

— Да, — ответил Адам коротко, всем видом показывая: тема закрыта.

Впрочем, Алан уже и не интересовался. Стоял, переминался с ноги на ногу, оглядывался по сторонам — молодой парень, которому не терпелось показать новичку, что здесь и как.

— Хочешь, проведу экскурсию? Покажу тут всё.

— Если не сложно.

Они пошли. Казарма. Длинные ряды коек, заправленных с армейской точностью. Одежда, натянутые так, что об них можно было порезаться. Столовая — пустая в этот час, только запах вчерашней каши ещё висел в воздухе. Алан что-то рассказывал, показывал, а Адам...

Адам смотрел на его затылок. Рыжий ёжик волос. Тонкая шея. Позвонки, проступающие под кожей, когда Алан поворачивал голову.

«Как его завалить? Задушить в тихом углу? Оглянуться — нет ли кого, накинуть ремень, затянуть... Или стул взять — забить до смерти? Что-то потяжелее — ударить по голове, убив с первого удара?»

— Нам старшина сказал, чтобы мы не привыкали и пока наслаждались, — донёсся голос Алана. Они проходили мимо столовой, и парень говорил через плечо — не оборачиваясь, не видя, какими глазами смотрит на него новичок. — Через месяц будем только мечтать об этом.

— Почему? — Адам ответил машинально. В голове — другое: «Я никого никогда не убивал...»

Они дошли до туалета. Белый кафель. Эхо от шагов. Пусто.

«Здесь. Надо убить его здесь. Сейчас. Больше никого. Один удар. Всё закончится».

Алан остановился у раковины, поправил воротник перед зеркалом и продолжил — буднично, даже скучающе:

— Мы же едем на войну. У нас месяц, чтобы подготовиться. Хотя бы научиться стрелять. Больше времени не будет. А дальше — будем спать на земле. Грязные. В крови. И повезёт, если кровь будет врагов, а не братьев. Или, что ещё хуже, наша.

— Нам дадут оружие?

Вопрос вылетел сам. Дурацкий, детский. Адам сам не понял, как его задал. Алан обернулся — удивлённо, почти весело:

— Конечно! Думаешь, будем стрелять из пальца и рогаток? Кидаться камнями и палками?

Он рассмеялся — коротко, беззаботно. И этот смех сделал что-то странное с Адамом. Что-то внутри дрогнуло.

«Спешить не надо. На войне люди умирают разными способами. Возможно одному из способа я помогу. Может, так и случится с Аланом. Стоит оставить его в живых до фронта. А пока... узнать поближе. Может, получится всё исправить без смертоубийства. Вдруг что-то с ним здесь случилось? То, что заставило его стать Воробьём? Может, он не всегда был монстром? Может, сейчас — вот этот рыжеволосый парень, который смеётся над дурацким вопросом, — он ещё человек?»

Адам посмотрел на юного деда внимательнее. Рыжие волосы — ни седины, ни намёка. Спина — прямая, ещё не обожжённая взрывом. Глаза — светлые, ещё не видевшие того, что видели глаза Воробья. Руки — чистые. Пока чистые.

«Я попробую. Может, можно остановить его иначе. Не пулей. Словом. Или просто тем, что я рядом. Может, если у него будет кто-то... он не станет тем, кем стал».

Целый месяц. День за днём. Солнце не успевало зайти, а они уже заканчивали пробежку. Выполняли нормативы по турникам, по рукопашному бою, по стрельбе. И всё заново: подъём, быстро собрать вещмешок — и в путь. Покорять землю. Горы. Воду. Топтать под собой грязь.

Ника говорил размеренно, почти ритмично — как будто сам маршировал.

— Сложно было поверить, что по этому ещё придётся скучать. Так говорил их командир роты — и в его голосе звучала не угроза, а странная, усталая нежность. Он знал, о чём говорил. Он уже был там. Он вернулся. И теперь готовил их к тому, к чему нельзя подготовиться.

Все тренировки Адам следил за Аланом. Вот они на пробежке: Алан бежит впереди, рыжая голова мелькает среди касок. Не сбавляет темп. Не ноет. Вот они на стрельбище: Алан целится, прикусив губу, и пули ложатся кучно — одна к одной. Вот в столовой: смеётся над чьей-то шуткой, крошит хлеб в суп. Вот вечером, в казарме: пишет письмо. Длинное. На несколько страниц.

При каждой удобной возможности он наблюдал. Анализировал. Пытался нащупать ту грань — где она? Через которую Алан переступит в будущем? Как выглядит трещина, по которой пройдёт разлом? Но чем дольше он смотрел, тем труднее становилось. Алан не выглядел монстром. Он смеялся. Помогал сослуживцам. Писал письма домой. И Адам боялся. Боялся, что увидит в нём обычного человека — и тогда нажать на курок станет ещё тяжелее.

Внутренний голос Адама, который Ника передал почти шёпотом:

— Не сближайся. Не разговаривай. Не запоминай его лицо. Ты здесь не для этого.

Он сторонился его. И всех остальных. Не пытался сдружиться. Не вступал в разговоры, отделялся односложными ответами. Для сослуживцев Адам казался странным. Но о нём думали: замкнулся от страха. Страшно было всем. Каждый справлялся, как мог: кто-то молился, кто-то травил анекдоты до отбоя, кто-то писал письма невесте — по три в день, как будто боялся не успеть сказать всё, что хотел. Они держались ближе друг к другу. Делились сигаретами, мечтами о том, что будут делать после войны, пытаясь отвлечься от мрачных мыслей.

Но отвлечься не получалось.

Постоянные новости с фронта: то американцы впереди, то сдают позиции. Радио в казарме не выключалось. И каждый раз, когда голос диктора менял интонацию, в комнате наступала тишина.

И так весь месяц. Пот. Грязь. Усталость — глубокая, до самых костей, такая, что перед сном дрожали руки. Страх — постоянный, фоновый, как гул в ушах, с которым привыкаешь жить и перестаёшь замечать. И сон. Короткий. Рванный. Не приносящий отдыха. Сны снились одинаковые — про войну, на которую они ещё не попали.

— Месяц пролетел быстро, — сказал Ника. — За это время они всего лишь научились не пристрелить себя. Однако капитан думал, что с задачей справился.

В отсеке стало тихо — настолько тихо, насколько это возможно в летящем вертолёте. Каждый, кажется, думал о своём первом месяце. О своей первой подготовке. О том моменте, когда учёба заканчивается и начинается что-то другое.

— В одно утро их собрали — как всегда, свисток, построение, — но на этот раз в роту они уже не вернутся.

В порту ждал корабль. Все замерли, увидев его: это был корабль противника, захваченный неделю назад. Крейсер «Скульд». Адам прочитал название, выведенное белой краской на серой броне, и внутри что-то оборвалось. «Скульд» — будущее. Напоминание. Он здесь именно за этим — изменить будущее. Или стереть его.

Задание им объявили только на середине пути, когда берег уже скрылся за кормой, а впереди лежала только вода. Доплыть до острова Норн. Захватить небольшой город. Продержаться до прибытия основных сил. И уже оттуда — дальше. Таков был план.

На корабле они продолжали поддерживать форму. Зарядка. Беготня по палубе. Но теперь ко всему этому добавилась качка — и рвота. Почти у всех. Алана не пробрало. Вообще. Он стоял на носу корабля, расставив ноги, и смотрел вперёд — туда, где должен был показаться остров. И тренировался больше других. И проявлял небывалую раньше заинтересованность к своей физической форме — бегал, отжимался, работал с оружием до темноты. «Готовится стать убийцей невинных», — злобно думал Адам, глядя на него с другого конца палубы. Он сам сидел, привалившись спиной к переборке, и считал дни. Или годы. Или жизни — те, которые ещё можно спасти.

Подожёл час икс.

Остров Норн появился на горизонте — сначала серая полоска, потом скалистый берег, потом тёмная зелень леса. Капитан собрал всех на палубе. Ветер трепал его седые волосы, и он казался старше, чем был.

— Ну что, клубочки! — гаркнул он, перекрикивая ветер. — Я научил вас всему, чему мог. Теперь вам осталось сесть в эти шлюпки «Урд» — доплыть до острова и захватить этот чёртов городишко. Знайте: нас встретят огненным запалом. Но насрать! Головы вниз — и штыки вперёд! Когда будете у берега, не поднимайте головы, пока не придёт время выходить. На острове стоит маяк — там могут быть снайперы. На это всё. Так что, клубочки, катитесь с корабля в свои шлюпки. И захватите мне остров!

Кого-то эта речь взбодрила. Пара человек даже выкрикнула что-то бодрое в ответ. Но не Адам. Его бодрило другое: холодные волны, которые разбивались о борт шлюпки, брызги, летящие в лицо, солёный вкус на губах. Это не давало потерять сознание от напряжённости. От страха.

Страх был в глазах у каждого. Его не пытались скрывать — это уже не учения. Пуля в любую минуту могла прилететь в любого. Кому-то в лоб, кому-то в грудь, кому-то в живот — и тогда долгая, мучительная смерть на песке, под чужим небом. Алан сидел рядом в шлюпке, склонив голову. Его рыжие волосы потемнели от брызг. Он смотрел на приближающийся берег, и лицо его было бледным. Никакой бравады. Никаких шуток. Только страх — самый обычный, человеческий.

С минуты на минуту — высадка. Адам сжал винтовку «Спрингфилд М1903». Пальцы побелели. Дерево ложи было холодным и шершавым. Шлюпка ткнулась днищем в песок. Протяжный шорох гальки — как вздох. И тишина. Мгновенная, оглушительная.

— Жизнь как театр. Часть вторая. — Ника произнёс это почти шёпотом — и замолчал.

Лопасты вертолёта рубили тишину. Никто в отсеке не шевелился.

— Все рванули со шлюпок на берег. Смотрели по сторонам, искали противника. Но было тихо. Ни выстрела. Ни души. Только песок, скалы и одинокий маяк на небольшой возвышенности. На нём, во всю величину, белой краской было написано: «Верданди». А за маяком — лес. Густой, чёрный, непроглядный.

Адам стоял на берегу, задрал голову. Маяк возвышался над ним — белый, с облупившейся краской, с ржавыми потёками на стенах. «Верданди» — настоящее. Скульд — будущее. Урд — прошлое. Три норны. Три сестры, прядущие нить.

— Неплохая позиция для снайпера, — сказал Алан, останавливаясь рядом.

— Возможно. На острове никого. А ведь здесь должен быть точно хоть кто-нибудь.

— Посмотрим?

Адам кивнул. И в этот момент увидел: в окне маяка что-то мелькнуло. Похожее на кончики светлых волос. Мелькнуло — и пропало. Он моргнул. Ничего. Только стекло, мутное от соли и времени.

Существует красивая легенда...¹

Они поднимались по спиральной лестнице маяка. Двое. Адам и Алан. Шаги отдавались эхом в каменном колодце — гулко, мерно, к первой двери.

...которая гласит, что два человека, которым суждено друг друга полюбить, соединены красной нитью, привязанной к мизинцам их рук...

... Дверь была приоткрыта.

Запаястыя девушки были крепко привязаны к железным прутьям окна, толстая верёвка глубоко врезалась в кожу. Ей было чуть больше двадцати. Длинные золотистые волосы, спутанные и грязные, лежали на полу, собирая пыль и кровь. Глаза, полные печали, смотрели перед собой. Большие серо-голубые глаза скрывали свежие синяки, тёмные, как чернила. Нахмуренные густые брови придавали лицу суровое выражение. Курносый нос выглядел почти детским, а губы, разбитые до крови, размазались по щекам, скулам напоминая красную помаду. Рот был полон крови, которая стекала по овальному подбородку, тонкой шее, ключицам и к груди.

Худощавое обнажённое тело девушки лежало в углу, свернувшись в клубок. Она дрожала, но уже не от страха, а от холода, который пронзал её до костей.

Вся комната в крови: от её худеньких ног — до его ботинок. А за спиной Адама стоял Алан.

Адам смотрел. Смотрел, словно одержимый. Понимал, что нельзя, что это неправильно, что это чудовищно — смотреть на неё сейчас, такую, — и не мог оторваться.

Рядом на полу у её ног лежал мужчина. Бело-красная майка, без штанов. Рукой зажимал рану на шее. Из-под пальцев ещё сочилось. Прямо сейчас — захрипел и затих.

...Эта нить невидима, но придёт день, когда мы узнаем того человека, который находится на другой стороне нити, и полюбим его всем сердцем и душой.

Алан подскочил к ней. Без слов. Без лишних движений. Сдёрнул куртку, укрыл её. Достал нож, разрезал верёвки — раз, два.

Адам стоял столбом. Все смотрел на ее безумному глазами. А она подняла глаза. В них — боль, вся боль мира, собранная в двух серо-голубых точках. Она подняла палец и указала наверх.

Там кто-то есть.

Адам сжал винтовку. Пошёл наверх.

Три этажа вверх по спирали. Тишина. Только ветер снаружи. Только собственное дыхание. Он старался не издавать ни звука — и сам не слышал ничего, кроме стука сердца.

Приоткрытая дверь.

На полу — голая женщина. Горло перерезано. Глаза открыты. Над ней — мужчина. Вытирал нож о тёмные брюки. Спиной к двери. Он был так увлечён насилием, так поглощён убийством, что не слышал, как его подельник этажами ниже издал последний крик и захлебнулся собственной кровью.

¹ Красная нить Судьбы. Японская легенда

Адам впервые в жизни увидел двух мёртвых людей. И на секунду — на одну роковую секунду — замешкался.

Нож вошёл в правое плечо. Быстро — он даже не увидел движения, только вспышку боли. Винтовка дёрнулась, выстрел ушёл в сторону. Мужчина метнулся к нему — быстро, как змея. Подсечка. Адам рухнул на спину. Колено — на шею. Воздух исчез. Он пытался вдохнуть и не мог — только сипел, только хватал ртом пустоту, как выброшенная на берег рыба.

Убийца наклонился, вытащил нож из плеча. Не спеша. С наслаждением. Он разглядывал Адама — беспомощного, распятого под ним. Ему нравилось. Он растягивал момент, как ребёнок растягивает ириску.

А потом взмах ножом.

Лезвие у горла мужчины. Лёгкое движение вправо — и кожа разошлась, будто молния на старых джинсах. Кровь хлынула на лицо Адаму. Чужая. Горячая.

Алан отшвырнул труп мужчины в сторону. Тот рухнул мешком — глухо, тяжело.

— Теперь ты мой должник, друг.

Алан возвышался над Адамом. Рыжий, запыхавшийся, весь в чужой крови, он протянул руку своему другу.

— Жесть! — выдохнул Буффало. — Это вилы.

— Алан выш

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.